

(табл. XXII, 1, 2) и одна кольцеобразная фибулы, бубенчик, семь разных стеклянных бус, спиральки и блески для украшения одежды. Из поясного набора найдены бляшки (табл. XXII, 4, 7, 10), пряжки (табл. XXII, 6, 11) и язычки от ремней (табл. XXII, 12).

Два серебряных перстня с перевитью в средней части (табл. XXI, 11) находились под известняковой плитой на исследованной в 1978 г. территории непосредственно к югу от раскопа 1974—1978 гг. Их можно, очевидно, рассматривать как небольшой клад. Было найдено также пять монет 15—16 вв., отчеканенных в Риге и Таллине.¹⁹

¹⁹ AI 4783:962; 4984: 44, 192, 791, 895. Определение А. Молвыгина и В. Соколовского.

Ülle TAMLA, Ewald TONISSON

UURIMISTÖÖD VARBOLA LINNUSEL 1978—82

Linnuse õuel uuriti läbi 401 m² pinda (joon. 1 ja 2), kus leiti elamualseid ahjuvaredega (tahv. XIX) ja kaevu ümber paesillutist (tahv. XVIII, 1). Restaureeriti lõik valli siseküljest (tahv. XVIII, 2). Leidudest (joon. 3; tahv. XX—XXII) pärineb enamik 11.—13. sajandist, suhteliselt rohkesti on ka 14.—18. (19.) sajandi leide.

Ülle TAMLA, Ewald TONISSON

ÜBER DIE FORSCHUNGSARBEIT AUF DER WALLBURG VARBOLA 1978—1982

Auf dem Burghof wurde eine Fläche von 401 m² (Abb. 1 und 2) untersucht. Von den Wohngebäuden waren hauptsächlich die Ofenreste (Taf. XIX) erhalten geblieben. An der Westseite des Brunnens kam eine Kalksteinpflasterung (Taf. XVIII, 1) zum Vorschein. Es wurde auch ein Abschnitt im oberen Teil der Innenseite des Walles restauriert (Taf. XVIII, 2). Die meisten Funde (Abb. 3; Taf. XX—XXII) gehören in das 11.—13. Jh., auch gibt es in recht großer Anzahl jüngere, dem 14.—18. (19.) Jh. entstammende Funde.

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1983.4.10>

Айн ЛАВИ, Владимир СОКОЛОВСКИЙ,
Маре СОКОЛОВСКИ

ИССЛЕДОВАНИЯ 1981—1982 гг. В ОЛУСТВЕРЕ

В 1981—1982 гг. исследования проводились в северо-западной (раскопы VI — 1981 г. и XI — 1982 г.), западной (раскоп VII — 1981 г.), юго-западной (раскоп VIII — 1982 г.), южной (раскоп IX — 1982 г.) и юго-восточной (раскоп X — 1982 г.) частях поселения (рисунок).¹ Всего была обследована площадь в 2545,5 м².

В раскопе VI (275 м²) сильно перемешанный, а в южной части практически полностью удаленный в начале строительных работ в 1978 г. культурный слой был незначителен (0,1—0,2 м) и беден находками. В основном это небольшие фрагменты гончарной и лепной керамики, не дающие представления о форме сосудов и не поддающиеся точной датировке. Из сохранившихся здесь строительных

¹ О результатах раскопок 1978—1980 гг. см. Лаул М., Лави А., Соколовский В., Тыниссон Э. Древнее поселение и клады в Олуствере. — В кн.: Археологические открытия 1978 года. М., 1979, с. 481—482; Лави А., Соколовский В. Раскопки поселения Олуствере. — В кн.: Археологические открытия 1979 года. М., 1980, с. 399—400; Лави А., Соколовский В. Некоторые результаты исследования поселения в Олуствере. — Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1980, т. 29, № 4, с. 387—391; Лави А., Лаул М., Соколовский В. Охранные раскопки поселения Олуствере. — В кн.: Археологические открытия 1980 года. М., 1981, с. 379—380; Лави А., Лаул М., Соколовский В. Исследования на поселении Олуствере. — Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1981, т. 30, № 4, с. 411—416.

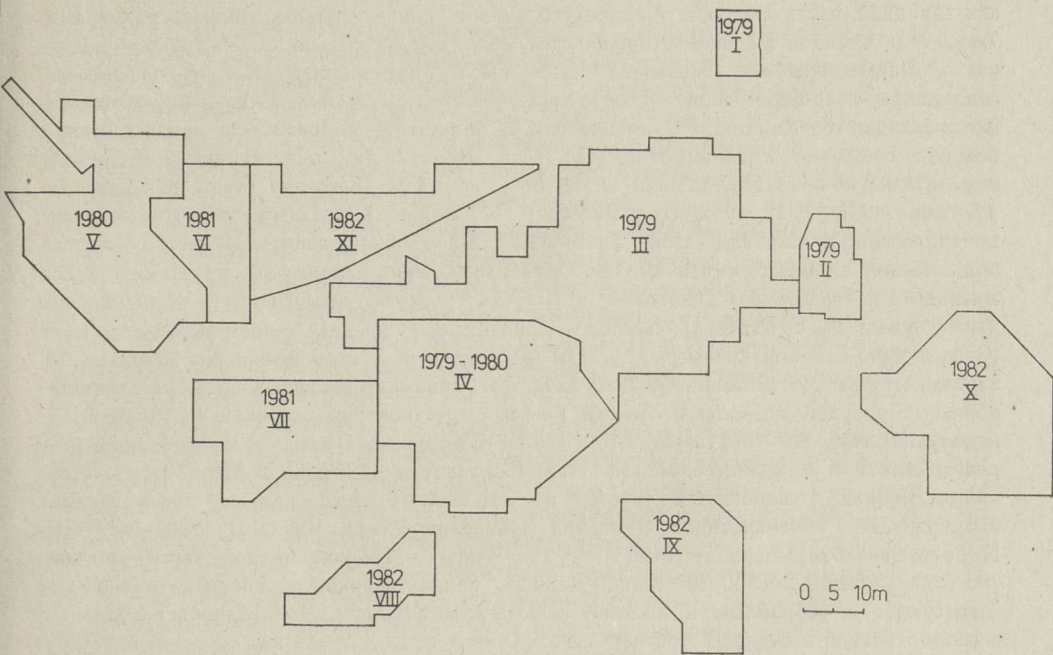

Схема расположения раскопов на поселении в Олуствере.

конструкций можно отметить лишь обнаруженный в северо-восточном углу раскопа очаг (диаметр ~ 1 м, глубина очажной ямы 0,2 м) из сильно обожженных булыжников. Никаких следов постройки вокруг очага не наблюдалось. По данным радиоуглеродного анализа, возраст собранных в очаге головешек 880 ± 40 лет², что в определенной степени совпадает с датировкой постройки I раскопа V³, расположенной в 10 м к западу от очага. При обследовании основания этой постройки в заполнении подпольной ямы (глубина 0,4—0,5 м) был найден впервые в Олуствере железный проушный топор с выемкой и слегка расширенным обухом (табл. XXVI, 2). Данный тип топора был распространен, по мнению Ю. Селиранда, на материковой части Эстонии в 12 — начале 13 вв.⁴

Раскоп VII (562,5 м²) охватывал часть пологого западного склона небольшой, вытянутой с севера на юг ложбины (табл. XXIII, 1). Культурный слой размещался здесь неравномерно. Если в западной, более возвышенной части он имел толщину 0,2—0,4 м, то в восточной, примыкающей к раскопу IV — 1979—1980 г., его мощность достигала 0,8 м, и он залегал на серовато-коричневом аллювиальном горизонте, образовавшемся, по всей видимости, под воздействием промывки верхних слоев почвы грунтовыми водами.⁵

В раскопе места древних построек выявлялись в основном по более темному (углистому) цвету почвы, строительным остаткам (обуглившимся или полуистлевшим фрагментам древесины, развалам отопительных сооружений и т. п.) и по некоторой концентрации здесь находок. На исследованной площади можно было различить остатки четырех, предположительно срубных, построек. К сожалению, две из них (постройки 3 и 4) в восточной части площадки лишь частично попали в пределы раскопа. Относительно лучше прослеживались очертания постройки I в

² Анализы по ¹⁴C проведены в лаборатории Института геологии АН ЭССР Я.-М. Пуннингом.

³ Лави А., Лаул М., Соколовский В. Исследования на поселении Олуствере, с. 414.

⁴ Selirand, J. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11.—13. sajand). Tallinn, 1974, с. 91.

⁵ Аналогичная гумусированная прослойка, но толщиной 20—40 см, прослеживалась и в самой ложбине. См. Лави А., Лаул М., Соколовский В. Исследования на поселении Олуствере, с. 411.

юго-западной части раскопа. Четырехугольное в плане срубное жилище размерами 7,3×3,7 м имело с внешней стороны стен обкладку из сильно обожженных булыжников. Наибольшей мощности (~30 см в высоту при ширине до 1 м) она достигала вдоль северо-восточной и северо-западной стен постройки. Скорее всего, подобная обкладка образовывалась постепенно, в результате ремонта или замены отслуживших свой век печей-каменок. По всей вероятности, аналогичную, но менее выразительную обкладку длиной 7,5 м имела и северо-восточная стена постройки 2, расположенная в 12 м к северо-востоку от жилища 1. Интересно, что по всей предполагаемой площади этой постройки было обнаружено множество кусков обожженной глины с вмятинами от деревянных конструкций (табл. XXV, 2). По мнению некоторых исследователей, это куски (или по крайней мере большая их часть) упавшей с потолка обмазки.⁶ Найденные в пределах постройки, как и в развале печи-каменки (размеры 1×1 м) жилища 1 и в слое постройки 3, защитная керамика, фрагменты тонкостенных, зачастую орнаментированных, лощеных мискообразных сосудов позволяют отнести время существования строений к концу I — началу II тыс. Это подтверждает и радиоуглеродный анализ угля, собранного в постройках 2 и 3, давшего соответственно возраст в 1120±50 и 910±50 лет. Развал постройки 4 хорошо датируется по найденному здесь редкому готландскому полубрактеату, отчеканенному в период правления Ульфа Яарла в 1220—1230 гг.⁷ К более позднему периоду относятся два очага в северо-западной части раскопа (по ¹⁴C: 750±60 и 630±60 лет). Данные радиоуглеродного анализа полностью согласуются с собранным в раскопе вещевым материалом, что позволяет говорить о неоднократной застройке этой части поселения в течение 9—14 вв.

Раскоп VIII (212,5 м²) был заложен в 10 м южнее от раскопа VII на довольно крутом (понижение в пределах раскопа 2 на 25 м) участке западного склона ложбины. Культурный слой здесь был практически полностью уничтожен во время сооружения каменной стены имения. Только в восточной части раскопа, непосредственно на материковом слое удалось обнаружить некоторые неопределенные скопления гранитных булыжников. Отсутствовали, если не считать довольно богато представленного костяного материала, и вещевые находки. На основании полученного материала трудно придти к определенному заключению о заселении этой части поселения. Можно лишь отметить, что более выразительный, насыщенный углем слой остался южнее и восточнее раскопа, частично прослеживаясь уже под фундаментом стены.

Противоположный, понижающийся в юго-западном направлении восточный склон ложбины исследовался раскопом IX площадью 362,5 м² (табл. XXIII, 2). Раскопом установлена южная окраина поселения, доходившего до существовавшего здесь в древности водоема (в 19 в. на его месте была создана система прудов).⁸ Из обнаруженных строительных остатков следует отметить вскрытый в северо-восточном углу раскопа развал срубной (7,5×4,5 м) постройки, всю площадь которого покрывал слой в 15—20 см очень сильно обожженной гранитной крошки. Лишь после снятия этого верхнего слоя обнажились очертания самого жилища. Хорошо прослеживался насыщенный углем и более крупными обуглившимися фрагментами дерева остатки (шириной 25 см) северо-западной и северо-восточной стен. Юго-западную границу постройки образовывала гряда (длиной 6 м и шириной 0,7 м) из обожженных булыжников и камней более крупных размеров (диаметром 15—20 см) с менее заметными следами воздействия огня. По всей видимости, здесь мы имеем дело как с камнями, которые закладывали под нижний венец стенных бревен⁹, так

⁶ Тыниссон Э. Некоторые итоги изучения древнеэстонского жилища. (По материалам городищ 11—13 вв.). — Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1980, т. 29, № 1, с. 71.

⁷ Lagerqvist, L. O. Svenska mynt under vikingatid och medeltid (ca 997—1521) samt gotländska mynt (ca 1140—1565). Stockholm, 1970, с. 78 (grupp XXI, B2).

⁸ Нижние горизонты в южной части раскопа в сущности представляли собой уже озерные отложения.

⁹ Тыниссон Э. Некоторые итоги изучения древнеэстонского жилища, с. 69.

и с уже отмеченной в постройках раскопа VII обкладкой. В центральной части гряды наблюдался заполненный гранитной крошкой и углем проем шириной 0,8 м, — возможно, вход в жилище. Четырехугольная в плане (0,7×0,8 м) печь находилась в северо-западном углу постройки и на 0,7—0,8 м отстояла от северо-западной стены. Был ли этот промежуток первоначально заполнен камнями, сказать трудно. Разбросанные внутри жилища куски обгорелых балок и головешки могут быть остатками рухнувшей крыши или потолка. Гораздо труднее определить причину возникновения столь мощного верхнего слоя гранитной крошки. В эстонском этнографическом материале известны примеры, когда на потолок жилища насыпали слой земли или песка в 10—15 см.¹⁰ Не исключено, что в данном случае в качестве теплоизоляционного материала использовались сильно разрушенные от длительного пребывания в огне камни печей и очагов. Для датировки жилища существенное значение имеют найденные здесь фрагменты лепной и ранней гончарной керамики, относящиеся к первым векам I тыс.

Однако следует отметить, что исследуемая площадка поселения использовалась и в последующие периоды. На это указывают как обнаруженный в верхних слоях вещевой материал (среди которого можно выделить две монеты — рижский шиллинг Густава-Адольфа чеканки 1621 г. и нюрнбергский счетный пфеннинг 16 в.¹¹), так и расчищенные в западной части раскопа шесть параллельно расположенных (по три в ряд) куч камней, служивших основанием для нижних бревен какой-то средневековой постройки (табл. XXIII, 2). Несколько южнее этой постройки и непосредственно под ее юго-восточным углом были открыты два параллельных ряда хаотически набросанной и с течением времени сильно спрессовавшейся древесины (ширина каждого ряда 0,5—0,6 м, длина 9,5 м¹², промежуток между ними 0,8 м). По всей видимости, это скопление органического материала можно интерпретировать как уплотнение колеи дороги, пересекавшей ложбину с северо-востока на юго-запад. Южнее дороги культурные наслоения практически отсутствовали, очевидно, здесь она подошла почти вплотную к водоему.

Раскопом X (637,3 м²) было завершено обследование юго-восточной части поселения. Культурный слой, достигавший здесь лишь местами толщины 0,2—0,3 м, был довольно сильно поврежден современными строениями, а в южной части раскопа он в значительной мере был уничтожен еще в 19 в. при разбивке парка имения. Поэтому места древних построек можно было зачастую выявить лишь по углубленным в материк остаткам отопительных сооружений. Последние обнаружены только в более пологой северной части исследуемой площади. Отметим лишь четырехугольное основание печи (1×1,2 м), к которой с восточной стороны примыкала предпечная яма без камней (диаметром ~ 1 м). Подобное сочетание печи и открытого очага довольно характерно для древнеэстонских жилищ.¹³ Особый интерес вызывает расчищенное у северной стенки раскопа продолговатое углубление (2,3×1,2×0,45 м), заполненное слегка обгоревшими остатками жердей (диаметром 7 см), ветками и кусками глиняной обмазки с вмятинами от деревянных конструкций. Остатков очага обнаружить здесь не удалось. По всей видимости, это какая-то легкая хозяйственная постройка типа чума. Отсутствие в ней точно датированных вещевых находок оставляет открытым вопрос о времени ее существования до получения данных радиоуглеродного анализа.

В северо-западной части раскопа вскрыта еще одна углубленная на 1,2 м в материк постройка (внутренние размеры 3×2,5 м) с сохранившейся сложной способом сухой кладки стеной из крупных булыжников. Для достижения большей прочности конструкции промежутки между камнями были заполнены кусками известняковых плит. Расположенный в северо-западном углу постройки вход шириной 0,7 м с двух сторон был окаймлен валунами. В помещение вели частично покрытые известняковыми плитами ступени. Плитами, вероятно, был выложен и пол. Конструк-

¹⁰ *Tihase, K.* Eesti talurahvaarhitektuur. Tallinn, 1974, с. 100.

¹¹ AI 4988: 3081, 3069.

¹² При этом следует учитывать, что в пределах раскопа осталась лишь только какая-то их часть.

¹³ *Тыниссон Э.* Некоторые итоги изучения древнеэстонского жилища, с. 74.

ционные особенности и найденный вещевой материал позволяют рассматривать ее как раннесредневековую хозяйственную постройку типа погреба.

Незначительный и маловыразительный материал, собранный в этой части поселения, не позволяет прийти к определенным выводам о длительности существования здесь застройки.

Осенью 1982 г. в северо-западной части поселения был заложен раскоп XI (487,5 м²; табл. XXIV). Культурный слой на исследованной площади был мощнее и богаче находками, чем в расположенных к западу раскопах V и VI, но, к сожалению, и более потревожен существовавшим здесь до недавнего времени парниковым хозяйством. Места древних построек, лишь в редких случаях сохранившиеся вокруг отопительных сооружений, были выявлены только благодаря более темному цвету почвы, и для установления их размеров и особенностей конструкций материала было мало. Можно лишь более или менее уверенно предположить, что это были срубные наземные постройки. Отношение обнаруженных здесь некоторых столбовых ям к постройкам неясно, поскольку располагались они весьма хаотично. Скорее всего, столбовая конструкция использовалась в основном при сооружении легких пристроек навесного типа, которыми пользовались эпизодически и которые оставили маловыразительные археологические следы. Некоторые столбовые ямы — незначительно углубленные в материк и не имевшие обкладки из булыжников — могут быть остатками существовавших на поселении заборов и плетней.

За прошедшие два сезона на исследованной площади собран богатый вещевой материал: всего 1891 номер.¹⁴ Основную долю находок, что характерно для поселений периода позднего железа, составляет керамика.

Гончарная керамика представлена образцами, отражающими различные хронологические ступени развития, в том числе сосудами с сильно профилированным венчиком (табл. XXVI, 10) 12—13 вв. и средневековыми типами с более короткой, зачастую утолщенной верхней частью. К редким находкам относится обнаруженный в раскопе VII сосуд с клеймом на доньшке. В некоторой степени в вещевом материале поселения повысилась доля лепной керамики, в первую очередь за счет нижних горизонтов раскопов VII и IX. Отдельно следует отметить находки многочисленных фрагментов мискообразных сосудов, для которых характерны более или менее резко выраженная острорребристость плечиков и прямой венчик (табл. XXV, 3). Это сосуды хорошего обжига, с мелким песком в тесте и тщательно заглаженной поверхностью, зачастую украшенные геометрическим орнаментом. Данный тип посуды, встречающийся уже в находках I тыс., был широко распространен в памятниках 10—11 вв.

В олуствереском материале начала II тыс. довольно значительно представлена защитная керамика. Иногда защиты образуют геометрические мотивы (табл. XXV, 6). В нижних слоях раскопов VII и IX относительно часто встречались и доньшки сосудов, покрытые текстильными отпечатками (табл. XXVI, 8).

Исследованиями 1981—1982 гг. выявлены особенности и характер распространения застроек на различных хронологических этапах, а также уточнен рельеф местности времен существования древнего поселения, претерпевший большие изменения за последнее время.

¹⁴ AI 4998: 1890—3781.

Ain LAVI, Vladimir SOKOLOVSKI, Mare SOKOLOVSKI

1981.—82. AASTA VÄLITÖÖD OLUSTVERES

Tööd jätkusid asula lääne- (kaevand VII — 488 m², kaevand VIII — 212 m²), lõuna- (kaevand IX — 364 m², kaevand X — 638 m²) ning põhjaosas (kaevand XI — 488 m²; joon.). Kultuurikihi paksus oli keskmiselt 0,4—0,5 m (kaevandid VIII, X, XI), üksikutes kohtades 1—1,3 m (kaevandid VII, IX). Avastati elamujäänuseid (tahv. XXIII ja XXIV) ja koguti 1891 numbrit leide (tahv. XXV ja XXVI). Selgitati välja asula lõunapiir ning reljeef asula eksisteerimise ajal. 10.—13. sajandil hõlmas asula märksa laiemat ala kui keskajal, kus hoonustus koondus põhiliselt asula kesk- ja lääneossa.

UNTERSUCHUNGEN DER SIEDLUNG OLUSTVERE IN DEN JAHREN 1981—1982

Die Untersuchungen wurden im westlichen (Grabungsfläche VII — 488 m², VIII — 212 m²), im südlichen (Grabungsfläche IX — 364 m², X — 638 m²) und nördlichen (Grabungsfläche XI — 488 m²) Teil der Siedlungsstätte fortgesetzt. Die Stärke der Kulturschicht betrug durchschnittlich 0,4—0,5 m (Grabungsflächen VIII, X, XI), an einzelnen Stellen erreichte sie 1—1,3 m (VII, IX). Es wurden Gebäudereste (Taf. XXIII, XXIV) freigelegt und 1891 Nummern Funde (Taf. XXV, XXVI) geborgen. Es wurden die Südgrenze und das Relief des Territoriums der Siedlung während ihrer Bestehungszeit festgestellt. Während sich die Bebauung im Mittelalter hauptsächlich in dem mittleren und westlichen Teil der Siedlung konzentrierte, hatte die Siedlung des 10.—13. Jh. ein beträchtlich weiteres Gelände umfaßt.

Romeo METSALLIK, Udo TIIRMAA

ÜBER DIE ÄLTESTE BESIEDLUNG AM FUSSE DER TARTUER BURG

Die Arbeit des Jahres 1981¹ auf der Trasse V, Nõukogude-Platz 3 — Ülikooli-Straße (ca. 90 m²; Abb. 1; Taf. XXVII, 1), wurde fortgesetzt. Im Westteil der Trasse, wo

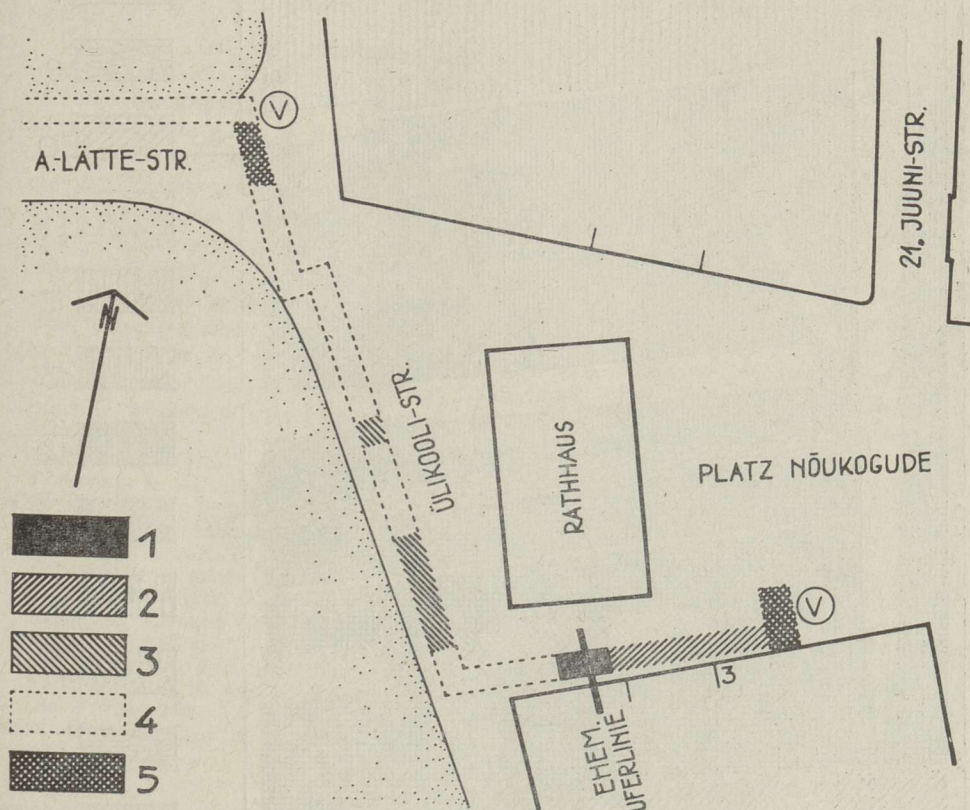

Abb. 1. Lage der Untersuchungsflächen in Tartu. 1 gänzlich untersuchte Kulturschicht, 2 in oberen Horizonten untersuchte Kulturschicht, 3 mittelalterliche Bautenreste, 4 nicht-untersuchte Flächen, 5 Untersuchungen im J. 1981.

¹ Metsallik, R., Tiirmaa, U. Über die archäologische Forschung der Tartuer Altstadt. — ENSV TA Toim. Ühisk., 1981, Bd. 31, Nr. 4, S. 392—398.